

шей смерть, — все это указывает на заказчика, стоявшего в стороне от политических бурь, потрясавших страну в начале XVII столетия. Прочная власть единодержавного монарха, достаточно утвердившаяся уже в первой четверти столетия, не только способствовала процветанию служилого дворянства, но и отвечала насущным интересам торговых людей верхушки городского посада.

Еще со времени Грозного Муромский посад отличался обширностью и богатством. В XVII столетии город, стоявший на торговом водном пути (на берегу Оки), имел немало зажиточных ремесленников и торговых людей. Недаром в начале столетия Андрей Палицын получает назначение воеводой в богатый Муром как награду за верную службу первому Романову. Именно в этом кругу посадских и торговых людей следует искать заказчика лицевой рукописи «Повести». «Повесть» в картинках, наглядно передающая сложные события, детально изображенные миниатюристом, «Повесть», текст которой сведен до минимума в надписях к миниатюрам, а содержание не утратило от этого своей занимательности, должна была отвечать не только вкусам, но и уровню образования не всегда искушенного в грамоте посадского или торгового человека.

Весьма возможно, что вкладчик иконы 1669 г., Сидор Матвеев, сын Лопатин, не обозначивший во вкладной надписи своего звания, принадлежал к муромской «гостиной корпорации». Во всяком случае он обладал достаточно большими средствами, так как одновременно в октябре 1669 года смог поставить по обещанию четыре иконы, среди которых находилась житийная икона Петра и Февронии.¹⁹ Если рассматриваемая нами рукопись, миниатюры которой, как уже сказано выше, по числу, сюжетам и композиции близки иконе, выполненной «по обещанию» Сидора Лопатина, и не явилась непосредственной собственностью последнего (на это нет документальных данных), то заказчика ее нужно искать именно в кругу не служилых, а торговых людей.

Самый же факт дублирования рукописей не представляет чего-либо особо выдающегося в конце XVI—начале XVII столетий. Еще во второй половине XVI столетия можно указать на дублирование рукописей «Козьмы Индикоплова»,²⁰ позднее, в XVII столетии, можно указать на повторение лицевого жития Федора Эдесского.²¹ Подобные факты можно было бы умножить не только примером копирования лицевой рукописи «Повести о Петре и Февронии».²² Однако не нужно забывать, что иконография «Повести», запечатленная в миниатюрах рукописи из бывшего Лихачевского собрания и в двух иконах XVII в. из Муромского краеведче-

¹⁹ Вкладная надпись на иконе Петра и Февронии гласит: «года 7178 (1669), октября, в ... день, написаны иконы Воскресение христово и Муромских чудотворцев и мучеников христовых Георгия и Никиты и Бориса и Глеба в страстях, по обещанию Сидора Матвеева, сына Лопатина».

²⁰ Ср. рукопись «Христанской топографии Козьмы Индикоплова» в ВБЛ (№ 102 из бывш. собр. Московской духовной академии) и рукопись Макарьевых Четых-Миней за ноябрь, хранящуюся в ГИМе (Синод. 997).

²¹ Житие Федора Эдесского, копия XVII в., хранится в ГИМе (Муз. 3446), восходит к царским письмам XVI в.

²² «Наличие дублирования в книжной продукции XVI века необходимо отметить. Почему в середине XVI века понадобилось иметь не один экземпляр „Козьмы Индикоплова“, это может быть понятно только при предположении, что Миней и вообще труды Макария служили подлинниками, оригиналами, в которых царские мастера находили себе сюжеты и их трактовку. Во всяком случае потребности XVI века вызвали и допустили дублировку художественных произведений в книжном оформлении, чего не знало предшествующее время и чем широко воспользовалось последующее» (М. В. Лавинский. Историко-художественное значение русской миниатюры XVI века. В кн.: М. В. Лавинский и Г. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. М., 1933, стр. 41).